

НИКОЛАЙ ЖЕКУЛИН (CALGARY, КАНАДА)

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

(Размышления по поводу актуального положения филологии
и, в частности, славистики)

Целью настоящих размышлений является изложение некоторых замечаний по четырем пунктам, связанным с изменениями в нашей профессии за последние 10-15 лет, и с последствиями, вытекающими из этих изменений, а также изложение некоторых моих соображений по поводу того, как и куда следует нам идти дальше.

Библиографические сведения

Никто не удивится утверждению, что появление персонального компьютера произвело в информатике настоящую революцию. Если не в данный момент, то в ближайшем будущем уже можно будет утверждать, что почти всем ученым доступен мир интернета, и, следовательно, что каждый из нас может участвовать в этой революции непосредственно. Это значит, что любому исследователю будут доступны каталоги почти всех крупных библиотек мира, т. е. доступны библиографические сведения практически обо всем историческом корпусе мировой печати. Правда, не все технические проблемы (напр. в области кодировок и, следовательно, алфавитов) решены или решены одинаково, но этот недостаток позволяет сохранить некоторый местный колорит, чему в эпоху глобализации можно даже радоваться. Ведь исследователь так или иначе всегда должен был изучать местные порядки, правила и отличительные особенности каждой библиотеки, в которой ему нужно было заниматься.

Следует сделать несколько ограничений или оговорок. Во-первых, нельзя забывать, что далеко не всё, что находится в библиотеке, попадает в ее каталоги, тем более в ее электронные каталоги (т. е. доступные каталоги не обязательно отражают всю совокупность материалов данного хранилища). Во вторых, недостаточно узнать, что в такой-то библиотеке есть такая-то книга; это еще не означает, что данную книгу можно получить на руки. Исходя из собственного опыта, я бы даже сказал, что лет 20 тому назад, как

это ни противоречиво, библиотеки охотнее высылали свои материалы (это касается, в первую очередь, материалов такого объема, при котором затруднительно сделать ксерокопию или микрофильм). И сказанное касается лишь печатных материалов. Для тех же, кому для научных исследований нужны рукописи (а сюда можно добавить и единичные, редкие, издания), изменений почти не произошло. Несмотря на то, что в последнее время много делается, напр., по изданию в электронном формате средневековых рукописей, ученому чаще всего приходится ехать туда, где находится материал. В третьих (и хотелось бы подчеркнуть, что моей задачей, в частности, является констатация того, что в нашей профессии *не* изменилось), доступ к материалу лишь способствует научной работе; насколько *качество* работы зависит от способностей ученого, настолько это качество от лишь доступа меняется весьма мало, т. е. основы нашей науки не изменились.

Что значит в этой сфере деятельности революция, о которой я говорил? На мой взгляд, сейчас имеет крайне мало смысла издавать любые библиографические данные в другой форме, чем в интернете (заметьте, я здесь довольно радикален; в данном случае электронный формат вроде CD-ROM имеет некоторые преимущества перед печатным форматом, в частности, в том, что способствует быстрому поиску конкретных данных, но это всего полумеры). Преимуществом интернета (которое поймет каждый, кто когда-либо занимался библиографической работой) является то, что всегда можно исправить ошибки и дополнить сведения, и (а это в конечном итоге самое важное) внешние изменения становятся сразу же доступны всем пользователям.

Достоверность материалов

Корпус материалов, который доступен электронным путем (т. е. материалы, которые можно прямо читать по интернету) постоянно возрастает, даже если до сих пор этот корпус представляет всего маленькую долю всего научного «производства». Еще более существенным является то обстоятельство, что для любого исследователя стало практически возможным издавать свои собственные труды, что и делается довольно часто. Однако, несмотря на всевозможные сомнения и оговорки по поводу разных установленных систем академических референтов, эти системы все-таки представляют собой некоторый элемент качественного контроля, пусть даже недостаточного и часто спорного. Анархические условия интернета не подвергаются никаким формам, ни идеологическим, модным, групповым, академического цензурного притеснения. Но это также означает, что ничто не препятствует публикации сплошной выдумки и всякой чепухи, т. е. полному произволу. Могут возразить, что небесполезно заставить ученых думать и решать самим вопрос о достоверности или пользе прочитанного, но, принимая во внимание количество материала, было бы не худо договориться насчет некоторых общепринятых правил (как, в частности, делается в случае многих интернетовых журналов). Каждый вправе знать, на какой

основе появился тот или иной материал, и это не помешало бы ни изданию разнообразнейшего материала, ни его разнородному осмыслению.

Но вопрос достоверности касается еще одного важного (особенно для литературоведов) аспекта нашей научной деятельности. Чтобы привести цитату из произведений какого-нибудь писателя, надо использовать издание, о котором условно договорились, что оно „достоверно“. Тут для электронных версий художественных текстов еще не полностью разработаны все правила; можно сказать, что комбинация правовых и коммерческих соображений приводит к тому, что часто приходится сомневаться в „достоверности“ предлагаемого текста, или, по крайней мере, в его юридическом статусе).

То, что многие тексты сейчас доступны через интернет (на дисплее) не означает, что скоро исчезнет книга, как формат. Книга имеет, и будет продолжать иметь, свои преимущества (в первую очередь, в смысле удобства), благодаря которым она еще долго просуществует. Не следует и думать о том, что ее можно будет заменить в ближайшем будущем. Но достоверный текст в электронном формате тоже имеет свои несомненные преимущества (самое очевидное – в поиске конкретных слов и выражений). Кроме того, текстологам следовало бы непосредственно и серьезно подумать о преимуществах электронного формата для некоторых элементов критического издания. Именно этим вопросом уже занимаются медиевисты; специалисты по более поздним литературам пока еще им мало занимались. Возможности прямого сличения вариантов текстов, ранних редакций и комментариев на раздвоенном экране или возможности приведения разных гипертекстовых ссылок должны привлекать каждого, кто боролся с тем, что надо одновременно сличать информацию, размещенную на трех разных страницах тяжелого тома. Мне кажется, было бы крайне полезно обратить на это внимание и разработать схемы и протоколы для применения новых возможностей.

Общение

То, что доступ в интернет способствует широкому и быстрому общению между отдельными учеными на расстоянии, не только очевидно, но уже широко практикуется многими из нас. Некоторые возражают, что такой-то «не отвечает», или «отвечает не сразу», но тут ничего не поделаешь; это вопрос человеческой психологии, а не практических возможностей технологии. До пресловутой «мировой деревни» канадского мыслителя Маршала Маклуана мы еще не дошли, но наш мир (а тут, конечно, сыграла роль не только *технологическая* революция) уже намного более «сомкнутый», чем был даже лет 20 назад. Но это только начало. Пока что ученые только начинают понимать все возможности, которые предоставляет интернет для настоящей совместной работы на расстоянии. Программы замкнутых сетей способствуют работе в группе, причем на таких условиях, когда во время работы материалы доступны только членам группы: можно ввести протоколы взаимных комментариев и правила для выставления и исправления общих текстов. Пред-

ставьте себе, напр., насколько могла бы расширяться и оживиться работа наших комиссий, если бы они стали работать по-настоящему в мировом масштабе и без границ, установленных необходимостью собираться в одном физическом месте. Очень советую МКС серьезно за это взяться!

Новые методологии

О том, насколько проще становится работа по составлению, напр. частотных словарей или словарей отдельных писателей на основе электронных текстов или баз данных, вряд ли нужно говорить. Но есть и методологии, которые стали возможными лишь благодаря новой вычислительной технологии. Всем знакомы исследования, которые устанавливают авторство того или иного текста на основе стилистического анализа, хотя такие исследования до сих пор вызывают споры, и не всех убеждают их результаты и заключения. По этому поводу можно привести два соображения. В основе первого лежит принцип, крайне важный для нашего понимания и применения любой технологии, в частности, вычислительной. Надежность любой методологии, применяемой с помощью компьютера, зависит от основательности филологии, на которую она опирается. Другими словами, любая технология является и должна являться служанкой науки. Технология должна приспособливаться науке, а не наука технологии. Второе соображение: следует сказать, что мы пока что сделали лишь самые первые шаги в применении технологии к нашей науке и будущее зависит от нашего же воображения. Очень хотелось бы, чтобы исследователи, которые более всего обладают творческим воображением, поразмыслили над тем, как можно применить современную, быстро развивающуюся вычислительную технологию к разным отраслям филологии. Мы бы у них за это были в вечном долгу!

В заключение следует упомянуть об одном обстоятельстве, которое стоит (и будет продолжать стоять) за всем тем, о чем я здесь говорил. Во всех наших планах следует учитывать это обстоятельство и согласовывать наши планы с этим обстоятельством. Я имею в виду экономическую сторону. Всё стоит денег, даже если нам может показаться, что мы чем-то пользуемся «бесплатно». В этом нет ничего нового – ведь книги тоже не выходили и не попадали в библиотеки бесплатно, ученые тоже должны были зарабатывать себе на жизнь. Значит, это опять вопрос приспособления, а не чего-нибудь, не имеющего прецедента. Но приспособиться мы должны. И думать о том, как приспособиться, мы должны обязательно.